

Э.А. Синецкая*

**Несколько слов о китайских сиротах,
или По поводу прочтения повести
«Красные туфельки»**

АННОТАЦИЯ: По ряду литературоведческих признаков повесть Чжан Юэжань «Красные туфельки» может быть отнесена к жанру притчи. Поскольку оба героя произведения являются воспитанниками детских домов, кратко рассматривается проблема сиротства в Китае (в прошлом и настоящем) и пути усыновления в стране, с элементами, в том числе, могущими быть обозначенными как «китайская специфика».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чжан Юэжань, «Красные туфельки», повесть, притча, сиротство в Китае, призрение сирот, христианство в Китае, XIX век, усыновление, «китайская специфика».

Повесть «Красные туфельки» (*Xун се 红鞋*) Чжан Юэжань 张悦然 была впервые опубликована в Шанхае в 2004 году [30]. В одном из изданий серии «Китайская проза XXI века», выпущенном в переводе на русский язык в Санкт-Петербурге при содействии Института Конфуция в 2014 году, эта повесть дала название всему сборнику, в который включены ещё 10 произведений молодых писателей [10, с. 74–101].

Автор «Красных туфелек» — «культовая представительница поколения 1980-х» Чжан Юэжань родилась в городе Цзинань (провинции Шаньдун) в 1982 году; после изучения английского языка и права в Шаньдунском университете, получила диплом в области компьютерных наук в Университете Сингапура. Ещё обучаясь в Сингапуре, в августе 2003 г. Чжан Юэжань получила «высокую литературную

* Синецкая Эльвира Андреевна, к.и.н., отдел Китая ИВ РАН, Москва, Россия; E-mail: elvirasin@mail.ru

премию Сингапура», а вернувшись на родину сразу же была удостоена в октябре того же 2003 г. за два коротких рассказа «Новой национальной литературной премии — Гран-при». Сегодня Чжан Юэжань является одним из самых популярных молодых писателей в Китае [27].

Упоминание слова «киллер» (杀手) в повести молодого писателя (а начинается повесть именно с описания выполнения киллером очередного «заказа») даёт возможность предположить, что реформы в КНР породили ту же криминальную ситуацию, что была в России в 90-х, и вызвали к жизни ставшую одно время «модной» в наших телесериалах и кинофильмах профессию — киллера, наёмного убийцы. С другой стороны, провозглашённая в КНР политика открытости, объявленная в пандан реформам, переросла в некое подобие знакомой нам по 60-м годам прошлого века «оттепели», когда в литературе появилась масса тем, ранее бывших как бы закрытыми, запретными.

По словам ответственного редактора сборника Алексея Анатольевича Родионова, «Красные туфельки» — это «пронзительная повесть, посвящённая трагическим отношениям наёмного убийцы и взятой им на воспитание девочки — дочери его жертвы. И нарочитая жестокость героев пощекочет нервы читателям» [9, с. 8]. Переводчик этого произведения Игорь Александрович Егоров также подчёркивает, что «повесть непростая, жестокая, особенно если иметь в виду, что её написала женщина». Рекомендуя эту книгу, он предупреждает: «будьте готовы к тому, что это непростое чтение». И именно об этом преимущественно говорится и в китайских, и в русских аннотациях данного произведения.

Но И.А. Егоров делает акцент и на другой линии повести. Он считает, что это произведение — «отличная иллюстрация того, в какое чудовище может превратиться человек, если в детстве ему не достало любви». Главный герой вырос в детском доме, а девочку воспитывала мать, которой не было никакого дела до дочки, а с 4 до 10 лет девочка также находилась в детдоме. «Многие взрослые, вспоминая детство, признаются, что им не хватало любви. Это тяжёлая травма, которая остаётся на всю жизнь и представляет большую проблему для повзрослевшего человека, иногда принимая и вовсе патологическую форму — что у европейца, что у китайца» [6, с. 18–19]. И с этим трудно не согласиться. В повести Чжан Юэжань ярко прослеживается попытка описать бесчувственность, жестокосердие, которые, конечно, имеют определённые врождённые, наследственные предпосылки, но в не меньшей степени являются следствием недолюбленности в детстве. Эта же мысль вложена и в уста главного героя — самого киллера: «Себя он считал чудовищем,

которое ничем не прошибёшь... по сути дела он нашёл ещё одного, лишённого тепла человека, такого же, как и он сам» [10, с. 91].

Герои повести не имеют имён собственных: он (киллер — практически на протяжении всей его сознательной жизни) и она (девочка — с четырёх лет до 18). Есть в художественной литературе приём, когда автор лишает героя имени как такового, обозначая как «он» (или «она»), подчёркивая как раз его типичность. Этим способом автор как бы заявляет, что «такой объект, как правило, является для автора средством показа судеб многих представителей поколения, времени» [28]. И это, по моему мнению, ещё более усиливает впечатление, что это произведение — скорее притча [12], притча о возмездии.

Чтобы подтвердить данное впечатление, нелишним будет рассмотреть кратко фабулу произведения¹.

Полного бэкграунда героя у нас нет. Мы знаем только, что он детство своё провёл в детдоме. На Новый год им надевали всё новое (и только на Новый год!) — для встречи посетителей (представляется, вероятных благотворителей). «Чтобы кто-то пожелал раскошиться, нужно было всё время улыбаться, беспрестанно кланяться, без конца говорить „спасибо“, чтобы вызвать сочувствие и понравиться». Он помнил, что тогда притворялся, чтобы его пожалели, и, бывало, получал шоколадку. Парнишка явно обладал неким чувством собственного достоинства — он при этом страдал от стыда. «Кажется, что ты — запертый в клетке зверёк, и жертвователи приходят поглазеть на тебя». В тринадцать лет он перемахнул через забор: «Сколько радости он испытал тогда — вот она, долгожданная свобода! Казалось, наконец-то он уже человек, а не зверёк, которым кто-то командует». Он, естественно, бедствовал, но об этом не вспоминает, а раз вскользь упомянул, что знаком и с тюрьмой. Не исключено, что именно в тюрьме он и нашёл наставника в своей «профессии». В результате он стал киллером. В детдоме, возможно, из-за детского страха перед теми, кто командовал им и держал под контролем, «он испытывал к людям величайший интерес». «А когда сам стал распоряжаться жизнью других, испытал небывалое удовлетворение» [10, с. 76]. Киллером он был профессиональным; в контроле, в которой получал задания и оплату сделанной «работы», его

¹ Предполагаю, что не все читали данную повесть. Однако, представляется, для подтверждения предполагаемого жанра данного произведения, как и для сопутствующих размышлений по поводу главного меседжа, увиденного переводчиком «Красных туфель» в данной повести, это представляется вовсе не бесполезным.

ценили. Жил скромно, можно сказать, — аскетично. Таковы были его потребности: деньги его интересовали мало, только после хорошо оплаченного «заказа» мог сходить в богатый ресторан, вкусно поесть, поэтому деньги у него накапливались.

Мы встречаемся с ним, когда ему уже около сорока. Все эти годы он «убивал и скрывался». «Такая жизнь давно надоела, но бывает, что держаться прежних привычек — лучший способ выжить. Да, убивать уже привык, привык к тому, что неожиданно вспоминались выстрелы и падающие тела, кровь и стоны умирающих. В жизни уже не осталось других желаний, кроме того, чтобы получить задание и выполнить его. Если бы не это, могло возникнуть ощущение, что и не живёшь совсем» [10, с. 75]. Портрет киллера читателю вчерне предъявлен: да, он — наёмный убийца, «работа» уже утомила его, но ничему другому он не был обучен. В его воспоминаниях о жертвах сквозит определённое чувство, близкое к сожалению, он может даже испытывать некие душевные мучения [10, с. 80].

Однажды, убегая после выполненного заказа, он оказался около детского дома. Детдом совсем не походил на тот, в котором он провёл детские годы. Однако и здесь тоже «за железным забором были заперты дети, но им, похоже, это безразлично». На лицах детворы во дворе написан какой-то особенный страх, они и двигались очень осторожно, и разговаривали негромко, и что-то для себя ценное или вкусное «крепко зажимали в ладошке или засовывали глубоко в карман». Дети были не особенно ухожены, одежка истрёпанная, ручонки и личики грязные. Что и навело его на мысль, «будто за эти годы ничего не изменилось». От этих мыслей ему «стало тошно». Но разглядывая всё это, он увидел девчушку лет десяти, которая была не такая, как все: ни робости, ни убогости детдомовского ребенка, живая и проворная, улыбающаяся [10, с. 77]. А приглядевшись к ней повнимательнее, да ещё обратив внимание, что на её натёртых, в гноящихся ранках ножках надеты старые-старые красные женские туфли, он будто узнал её. Шесть лет тому назад в этом городе у него был «заказ» на одну даму. Женщину — знаменитую художницу (известную даже ему), славившуюся ещё и своей любвеобильностью, заказала жена не менее известного писателя. Давно превратившись в домохозяйку с уже взрослой дочерью, она не знала, как справиться с тем, что муж был не в силах уйти от любовницы. И она решила прибегнуть к помощи киллера. Вспоминая художницу в луже крови, «он мучился», но оправдывал себя тем, что «погубили женщину её страсти, а он был только орудием» [10, с. 80].

Однако в том доме тогда возникла непредвиденная ситуация: в комнате появился ребёнок (лет четырёх), неухоженный, в стареньком

платице, всё в пятнах, кое-где порванном или проношенном, видно, «мать не очень-то пеклась о ней». (По расхожему мнению, мать и не знала, кто её отец, но ребёнок вовсе не мешал женщине продолжать жить своей жизнью, полной сексуальных страстей и скандалов.) Девочка счастливо улыбалась, ковыляя в маминых красных туфельках. Увидев киллера, пошла к нему, продолжая улыбаться. Дойдя до лежащей в луже крови матери, с усилием сделала широкий шаг и переступила через неё. Он, наёмный убийца, каких только кровавых сцен не видел, но эта показалась ему самой жестокой: ничего не соображающая девчушка переступает через тело матери. «Рука дрожала, когда он выстрелил ребёнку в живот». Но иначе он поступить не мог, «таковы правила его ремесла» [10, с. 80] — не оставлять свидетелей.

В его планы и в тот раз вовсе не входила эта девочка. Тем более он не рассчитывал, что она выживет, не говоря о том, чтобы снова встретить её. Он решил каким-то образом удостовериться, та ли это девочка, в которую он стрелял. Принеся в тот же день всяческих гостинцев для детдомовской детворы, он, даря ей что-то вкусное, подхватил её на руки и закружил. Платишко задралось — и он увидел круглый, аккуратный след на её животике от его пули. И когда погладил шрам: «тепло — след от холодной пули» так растрогало его, что «его охватило ощущение счастья» [10, с. 78]. Она, обхватив его шею, весело смеялась. Он и представить не мог то, что делает: перемахнул через забор детдома с девочкой на закорках. А она, сидя на его плечах, «опять радостно смеялась. Жизнь казалась ей ещё одной игрой, всегда невыразимо волнующей».

Этот его поступок объясним, представляется, несколькими причинами. Его явно охватило сильное чувство вины перед ней. «Сирота она сызмальства, эта девчушка. Не было у неё родителей, которые бы научили, как стоять правильно. Никому не нужная былинка, дичок, растущий где попало, никаких правил и норм» [10, с. 91]. Ещё перебираясь с ней через забор детского дома, про себя он поклялся, что даст ей свободу. Ничего другого он дать не может, так пусть хотя бы будет свободной. Поэтому с первого же момента не чинил ей ни в чём препятствий, «пусть порхает, как бабочка» [10, с. 96]. Он-то считал, что она сможет стать похожей на обычную девочку, если создать ей соответствующие материальные условия.

И ещё, думается, он расслабился от этих обнявших его маленьких рученок. Ему уже было немало лет, и он был одинок. С женщинами, в силу профессии и, верно, в результате некоторой эмоциональной неразвитости, у него не завязывалось никаких чувственных отношений. «К ценителям женской красоты он себя не относил, наоборот, полагал, что женщины — это порочные, презренные животные, которые нена-

видят бедность и обожают богатство, — ему вообще не нужны. Желания он не испытывал, возможно, потому, что убил не одну... Мёртвое тело... в луже крови... Такой он женщину и представлял всегда. Какая уж тут красота или желание!» [10, с. 8]. Он вообще считал, что люди обособлены друг от друга и между ними нет ничего общего.

Он обустроил девочке уютную комнату, покупал разнообразную красивую одежду и обувь, игрушки. Он научился готовить то, что ей нравилось (чего не мог представить о себе ранее, питаясь обычно на улице «печёным бататом или скворчащей сосиской») [10, с. 87]. Он завёл огородик и цветник в садике при первом их совместном доме. Такие перемены в образе его жизни иногда пугали его (он, естественно, и от своей «работы» отказался, накопленные средства позволяли это). «Если не глубоко пронизавшая, всецело очаровавшая его девочка тому причиной, то что же?» [10, с. 87]. Он ни от кого в жизни не ждал даров и помощи, да и собственно не от кого было, однако, и сам не помышлял кому-то помогать. Но девочка стала исключением. Этого совершенно не поддающегося контролю чувства он не мог и сам объяснить [10, с. 82].

Он понятия не имел, как ухаживать за маленьким ребёнком, и у него не было никого, с кем бы он мог посоветоваться. Некоторые привычные и необходимые в обращении с ребёнком тактильные ласки, как, скажем, обнять ребёнка, смотря вместе кинофильм, он, сам лишённый этого в детстве, не мог дать этого и девочке (да и откуда ему было знать, как это помогает ребёнку в правильной социализации).

Увозя девочку из детдома, по дороге на поезд, он понял, что она радуется любой купленной ей вещи: сладкая ли это вата, ветряная вертушка, воздушный шарик, вишня, букетик ландышей и прочее. Но, немного поиграв, пожевав, она всё выбрасывала. Видно, особой радости она не испытывала, да и длилась эта радость обычно недолго. Девочка всем нравилась, но сама относилась к людям с каким-то рассеянным безразличием. Никогда никого не благодарила за внимание и подарки ей. «Но никто, похоже, не находил в этом ничего предосудительного, все видели в ней прирождённый аристократизм, отчего это высокомерие не выглядело чрезмерным» [10, с. 81].

Ещё наблюдая за девочкой во дворе детдома, он удивился её жестокости. Она с большим интересом, с улыбкой наблюдала за сбитым в дерева сильным ночным ветром воробышком, лежащим на земле со сломанными крыльями. Он, было, предположил, что она сочувствует раненой птице, но она вдруг схватила её и, сильно размахнувшись, забросила её далеко за забор (как всегда — радостно улыбнувшись). В школе, к которой она относилась, в сущности, отрицательно, существуя сама по себе, уходила из класса, когда хотела.

Могла долго наблюдать за птичьими гнёздами, залезала на дерево, вынимала яйца, внимательно разглядывала их и, подбросив, смотрела на жёлтое пятно на земле, расплываясь в довольной улыбке. Увидев её зачарованный взгляд на проходящую мимо собачку на поводке, он купил ей чистопородную таксу, но она, недолго погуляв, покормив собаку, «вскоре начала воевать с ней» и в результате убила её гвоздём в лоб. «Увидев это, он, похолодев, вдруг осознал, что правитель небесный послал ему девочку в наказание, чтобы он ощутил страх в душе (верно, за содеянное? — Э.С.) — ведь убивая столько лет, он считал, что страх ему неведом» [10, с. 81–82].

В школе первой ступени девочка пристрастилась к фильмам ужасов, и они, сидя рядом, смотрели их. В отличие от обычных детей она страха не испытывала и не взвизгивала, а просто сидела и смотрела, «а на самых кровавых и жутких сценах — на лице у неё появлялось довольное выражение». Просмотрев фильм, где одна дама, любившая свою большую собаку, но не любившая её клыки, заполнив пасть собаки льдом (анестезию, стало быть, осуществив!), выдрала у неё все зубы. Вскоре девочка проделала это же со своим приятелем, преданным ей соседским сыном, выдрав у него все зубы тоже. Соседка прибежала к нему, с воплем «Разве твоя дочь человек? Человек ли она?» [10, с. 83]. Пришлось бежать из этого городка, оставив матери пострадавшего парня большие «отступные» и всё приобретённое за прошедшие три года. А на вопрос, заданный в поезде, почему она это сделала, девочка ответила, что «он хотел её поцеловать, и она зубы поставила ценой за это, а он согласился. „Сам захотел“. — И весело хихикнула» [10, с. 84].

Взрослея, девочка всё больше стала походить на свою мать, красотой, статью, уверенностью в своей власти над людьми. «Она станет такой же обольстительницей, как мать, из-за которой мужчины сходили с ума». И, верно, также наследственным было её убеждение, что, что бы её не заинтересовало, должно быть ей предоставлено, даже без её просьбы [10, с. 82]. Киллер как бы отстранённо, но с интересом наблюдал за девочкой. «Ему нравились все её движения, это было больше, чем влюблённость или увлеченность, она стала для него статуэткой ручной работы, его бесценным сокровищем» [10, с. 8].

В день её пятнадцатилетия он предложил ей самой выбрать подарок в одном из крупных торговых центров. Она выбрала небольшой фотоаппарат с множеством функций. Ей, однако, было «совсем неинтересно фиксировать что-то красивое. Ей нравились жуткие вещи, заставляющие трепетать от страха» [10, с. 88]. Она научилась печатать, каждый вечер подолгу возилась с отснятыми днём негативами и с удовольствием развешивала снимки на стене в своей комнате. А

через какое-то время она обратилась к нему с просьбой «о новом, самом лучшем фотоаппарате. Впервые обратилась с просьбой». Он отказал, заметив, что она и так чрезмерно увлеклась этим занятием. «Она не ожидала отказа, замерла, потом холодно усмехнулась» [10, с. 89]. А на следующий день, пропав на сутки (он не находил себе места, разыскивая её повсюду, и в ходе этих поисков понял, что у неё не было друзей/приятелей), вернулась с вожаемым новым фотоаппаратом с невиданно большим объективом, как она объяснила, полученным «за день и ночь любви». На его сокрушённый вопрос: «„Неужели ты такая дешёвка? За фотоаппарат?“», она неспешно ответила: „А тебе не всё равно? Ты ведь тоже, наверное, шёл на сделки, которые и фотоаппарата не стоили. Ничего постыдного, заработала своим трудом, разве нет?“» [10, с. 89]. В какой-то момент на его откровения про убийство её матери девочка призналась, что она запомнила его с того дня. «Отомстить ему не составляет труда, но он делает всё, что она просит, а ненависть к нему — неинтересно ей это» [10, с. 96].

Он постепенно пришёл к мысли, что, видно, совершил ошибку, взяв её из детдома. «Ведь, по сути дела, она — его отражение. Раз она — его отражение, она и отражает всё резкое и неприятное в нём самом. Наконец он понял, что, жалея эту девочку, он всегда жалел себя самого» [10, с. 90–91].

Однажды, забрав мамины туфли², она ушла рано утром, оставив записку: «Уехала фотографировать довольно далеко. Где, сообщу, приезжай за мной». Она стала уходить раз за разом. Он считал, что она в чём-то и тут похожа на мать: устремлённость к прекрасному, неутомимый дух поиска. Только прекрасное для неё — чаще всего окрашено

² А мамины туфли — это те самые красные туфли, в которых она, такая счастливая, как каждая девочка, примерившая что-то мамино и чувствующая себя в тот момент королевой, так несвоевременно появилась в комнате, где киллер только что убил её мать и так жестоко прервал её радость. В этих же туфлях киллер увидел её в детдоме. Верно, тот пик маленького детского счастья к моменту её убийства, а затем боль, больница, непривычные условия, в которых она оказалась, придя в себя, каким-то образом (вполне вероятно, могущим быть объяснённым детскими психологами) накрепко связались воедино в её сознании маленького ребёнка. И она настойчиво потребовала вернуть ей эти туфли. Не исключено, что она и не собиралась расставаться с ними. Эти красные мамины туфли стали той «нитью», что связала этих двух, можно сказать, отверженных. Он привёл туфли в порядок, отчистил, в том числе и от крови её матери, и они всегда были с ней рядом.

было в цвета крови. Поскольку в окружении соответствующего её пониманию прекрасного было мало, она создавала его сама, делала постановочные фото, ища соответствующее окружение для своих инсталляций. То удалив зубы и когти у белой кошки (в первую очередь для собственной безопасности, думается, да и красного цвета — крови прибавлялось), она раскрашивала эту кошку в любимый свой цвет, для чего толкла лепестки красного олеандра; то выдирала у павлина перья и вставляла их в ежа; или, наделав из снега некие холмики, окрасив их в разные цвета, воткнув различных отмытых до белизны костей, соорудив снежного идола, расписывала кровью обезглавленных куриц снег вокруг какими-то иероглифами и прочее, прочее.

Он понимал, что когда-нибудь «птенец, которого он выкормил, взмахнёт крыльями и улетит». Однако первый её отъезд его сильно расстроил. Но её слова «приезжай за мной» вселили в него надежду, что его «птенчик лишь вылетел порезвиться и непременно вернётся» [10, с. 91–92]. Он погрузился в ожидание, похожее на спячку.

Через полмесяца пришло сообщение: «Меня похитили, но всё благополучно. Приезжай и привози сто тысяч. Где нахожусь, не знаю, сделала снимок и надеюсь, тебе удастся меня найти» [10, с. 92]. На присланном снимке фоном для маминых красных туфель были олеандры её любимого цвета — «темнее ярко-красного и теплее пурпурного». Его накопления уже закончились и, чтобы выполнить её просьбу о ста тысячах, он вернулся в привычную ему «контору наёмных убийц» [10, с. 93]. Но он постарел, а на смену ему уже пришло много молодых, сильных и храбрых, как он в своё время. С заданием он справился, но далось это труднее, чем любое из прежних дел. А девушка продолжала, побыв немного дома, опять и опять отправлялась в очередное путешествие. Она «предавалась игре, которую сама же придумала», «проводила время совсем даже неплохо, жила с какими-то мужчинами, все они очень „заботились“ о ней» [10, с. 98]. Денег требовалось каждый раз всё больше и больше: то надо компенсировать зоопарку оципанного павлина, то покрыть долг, образовавшийся в игорном доме, то оплатить её идею устроить фотовыставку. Каждый раз «она была совершенно спокойна, она была абсолютно уверена, что он обязательно явится на помощь» [10, с. 94]. И теперь «ничто больше не могло заставить его в ещё большей степени ощутить величайший смысл продолжения жизни» [10, с. 98]: ожидание, становившееся с каждым разом всё длительнее, фотография красных туфелек на фоне того пейзажа, что должно помочь ему найти её, «зарабатывание» требуемой суммы, поиск по фотографии — как раскрытие преступления классным детективом и возвращение с ней домой. А работу ему в конторе, заметив, что он

одряхлел и в киллеры уже не годится, давать не торопились; он стал устанавливать контакты с заказчиками напрямую, сделки часто срывались, дело можно было продолжать, только снижая цены. В конторе решено было его устранить.

И когда он в последний раз нёс ей деньги, люди из конторы выслежили его, он оторвался от преследователей, но его ранили в ногу. Он нашёл то место в заснеженных горах, где она его ждала, добрался до неё — в летней рубашке, одряхлевший уже, изможденный, с изодранным ветками лицом и телом, с гноящимися ранами. Она внимательно оглядела его, явно видя в нём потенциальный объект фотосъёмки («вроде тех израненных животных, увечья которых не сочетались с чувством прекрасного и душевным теплом» в обывательском представлении), и лишь сказала: «Красиво здесь, правда? Тебе нравится?». При этом она явно имела в виду вовсе не сам горный пейзаж, а свою инсталляцию на этом фоне. Но ответить он в любом случае не успел: киллеры из конторы убили его, тут же выхватив у него из-за пазухи большой конверт с деньгами. Однако девушка (ей уже 18 лет), будто не заметив убийства, невозмутимо и требовательно заявила, что деньги принадлежат ей. В результате, очарованные её бесстрашием, красотой (и наивностью тоже, верно), «чистильщики» пригласили её «провернуть вместе с ними „одно дельце“». Она ничего о «дельце» не спросила, кроме как поинтересовалась, будет ли это интересно. Попросив подождать её, она сняла с колченогого, обросшего щетиной трупа рубаху и брюки, из трёх пулевых отверстий на теле текла кровь, образуя лужицу вокруг. «На её лице засияла улыбка: отличный объект для съёмки!» [10, с. 101]. Сделав фотографию, она удовлетворённо бросила киллерам: «Пошли!» — и, подняв ногу, совершенно естественно перешагнула через его тело, точно так же, как когда-то перешагнула через тело своей матери [10, с. 101]. Таким образом, сюжет этой притчи о возмездии за содеянное закольцевался. Как говорится, и воздастся сторицею!

Однако вернёмся к словам переводчика А.И. Егорова, что данное произведение является «отличной иллюстрацией того, в какое чудовище может превратиться человек, если в детстве ему не достало любви» [6, с. 18–19]. Оба героя повести/притчи — детдомовцы. Вопрос поднят в этой повести, пусть и как бы по касательной (осознанно или нет?), но в очень яркой, даже можно сказать, в утрированной, а потому и звучащей форме: социально-психологические проблемы детдомовских детей. Эта проблема непосредственно связана с сиротством, с судьбами осиротевших детей. Есть в повести, хотя и краткое, описание психологического портрета этих детей. Несмотря на уже явно лучшие материальные условия, воспитанники

детдома, тем не менее, мало чем отличаются от тех, какие сохранились в личных воспоминаниях (почти тридцатилетней давности) о детдомовском детстве героя повести! [10, с. 76] Есть устойчивое мнение: если ребёнок до 6 лет прожил в детском учреждении и не знает, что такое семья (нормальная семья, хотелось бы подчеркнуть), ему очень трудно затем адаптироваться во взрослой жизни [29]. К тому же, «ведь сирота в детском доме — если так можно выразиться, „бомба замедленного действия“». Дети, выросшие без индивидуального внимания и любви, не имеющие психоэмоциональной поддержки семьи, получают к тому недостаточное образование. Они не умеют планировать свою жизнь, часто оказываются втянутыми в криминальные группировки (как герой повести «Красные туфельки»), либо пополняют ряды алкоголиков и наркоманов. «И уже их дети попадают в детские дома. Круг замыкается...» [18].

Конечно, сейчас в крупных городах Китая, в том числе в ряде университетов (как мы узнаём из романов, например, Чжоу Вэйхуй [3]) уже появляются кабинеты психоаналитиков, помогающие снять стрессы молодому человеку при адаптации к той или иной ситуации во взрослой жизни. Но, во-первых, эти кабинеты ещё не многочисленны (думается, ещё и не дешёвы), во-вторых, они ещё явно не стали привычным элементом даже городского (хотя бы и университетского) пейзажа. К тому же, что касается детдомовских выпускников, поздно исправлять закреплённое в детстве, импринтингом. Но в Китае стали уделять внимание проблеме системной работы с сиротами. Совершенствуется система усыновления: из простого предложения вариантов для усыновления — в работу с детьми в детдомах³.

Посчитать точное количество сирот в КНР, на самом деле, очень трудно. Сиротство наступает вследствие трагических событий: гибель родителей в результате природных или каких иных катаклизмов, например, Таншаньское землетрясение 1976 года или землетрясение 2008 года в Сычуани, когда осиротело не менее 5 с половиной тысяч детей, родители которых погибли или числились пропавшими без вести [29]. Но порой большая часть детей является социальными сиротами, когда родители по каким-либо причинам (чаще всего, экономическим) отказываются от ребёнка. А в период

³ Это во многом похоже на нынешнюю ситуацию с сиротством в России, несмотря на то, что у нас и опыт дольше и больше, но отличия, естественно, есть. Что же касается процентного соотношения к общему населению, то в Китае сирот менее 0,1 процента, а, к сожалению, в России их практически 0,5% [13]. Попробуем поверить статистике!

политики «она семья — один ребёнок» бывали случаи, когда родители тем или иным способом пытались избавиться от родившейся девочки либо мальчика с физическим дефектом. Нередки были случаи, когда ретивый (или корыстный) чиновник новорожденного — 1–2 месяцев от роду — отбирал у родителей в связи с невозможностью для них оплатить штраф (скажем, если ребёнок был уже третьим в крестьянской семье). Была вероятность, что впоследствии малыш мог быть усыновлён иностранцами (небезынтересно, что в этом случае чиновник, доставивший малыша в приёмник, мог получить 150 долларов, а усыновитель должен был заплатить 3–5 тысяч долларов) [26]. Конечно, иностранным усыновителям сообщали, что ребёнок — подкидыш [30].

В традиционном обществе Китая была распространена так называемая «расширенная семья»: если родители ребенка умерли, то ответственность за него брали ближайшие родственники (дедушки и бабушки, или дяди и тётки, или старшие братья). Как представляется, и по этой причине тоже правительство не уделяло внимания проблеме осиротевших детей. Но, времена изменились, изменились семейные ценности, и дяди и тётки уже нередко не считают себя ответственными за дальнейшую жизнь своего осиротевшего родственника. Подсчёт, проведённый в 2005 году Министерством образования КНР (ранее практически не обращавшим внимания на этот вопрос), показал, что на тот момент в материковом Китае проживали около 573 тыс. несовершеннолетних сирот. «Эти данные „разрывают шаблон“ о стране семейных ценностей — в Китае, где ребёнка называют „маленьким императором“, где на улицах, в домах и практически везде можно увидеть изображения улыбающихся детей — брошены полмиллиона детей» [13]. Разумеется, для миллиардного Китая число не такое и большое, но есть мнение, что это — вполне очевидный сигнал о серьёзном подрыве семейных ценностей в обществе. Ещё более устрашающей представляется динамика этого процесса: 500 тыс. сирот в 2009-м году, 712 тыс. в 2012-м и уже миллион — в 2014-м. Каждый год в Китае появляется 100 тыс. детей-сирот [13]. Проблема оказалась настолько масштабной, что в октябре 2010 г. впервые в истории центральное правительство Китая подняло вопрос о проблеме детей-сирот и выделило на их поддержку 2,5 млрд. юаней (на тот период — около 400 млн. долл.). Однако после внедрения правительственных субсидий для «расширенной семьи» фиксируется резкий рост количества сирот вследствие отказов родственников от опеки над ребёнком. По мнению профессора Пекинского педагогического университета Шан Сяогэнь, на официальном уровне это признаётся «индикатором роста благополучия общества

и государства, но не наоборот» (что представляется весьма казуистическим прочтением ситуации). Теперь, объясняет профессор, малообеспеченные семьи наверняка знают, что их осиротевший родственник не останется без опеки, а посему и всё охотней передают детей на содержание государства. Показательна история с анонимными пунктами приёма детей — так называемыми «островами безопасности» в городе Гуанчжоу, которые закрылись через несколько месяцев, не выдержав потока поступающих сирот [13].

На данный момент в Китае построено более 800 пунктов приёма сирот. В стране действуют около 4500 детских домов (в большинстве своём — негосударственных)⁴, в которых предусмотрены места для 990 тыс. детей [13]. Что касается негосударственных детдомов, то это несомненно может быть отнесено к явлению так называемой китайской специфики. Примечателен рассказ одного иностранного студента (египтянина), посетившего несколько таких детдомов. Он констатирует, что квалифицированных воспитателей очень мало, «да и никто особо не желает возиться с детьми». Директор, по словам этого информанта, «платит им зарплату из собственного кармана». Но главной проблемой является то, что «детям просто не хватает родительского тепла, внимания, а воспитатели не успевают за ними ухаживать». По признанию этого египтянина, с одной стороны, он всячески способствует вовлечению в оказание помощи этим организациям как можно большего числа финансово независимых китайцев. И, одновременно, еженедельно он по интернету собирает волонтеров для посещения таких детдомов. Как он объясняет иностранным и китайским студентам, не деньги нужны, и времени немного займёт — «детей просто обрадует ваше присутствие» [13].

Также (судя по некоторым свидетельствам) к неправительственным относятся и ряд профилированных детдомов. Так, в КНР есть дома для детей заключённых (в Пекине такой существует более 20 лет). Поскольку дети практически здоровы, субсидии от государства не положены, а «по причине происхождения, эти дети не могут получить достаточного сочувствия от общества», помощь ожидаема лишь от «волонтерских групп» («работников компаний, спортивных организаций, представителей шоу-бизнеса, студентов и иностранцев»), а также от продажи овощей и фруктов, выращиваемых на территории детдома. Есть дома для детей-инвалидов. Обычно, это недееспособные

⁴ К середине 2015 года в России было детских домов — 1850, социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних — 705, детских социальных приютов — 615, школ-интернатов — 330 и домов ребёнка — 252 [25].

мальчики из соседних провинций и деревень. Например, в Китае около 200 тыс. детей с нарушениями слуха. Однако дети часто не могут получить поддержку от государства по причине прописки (в Китае до сих пор действует система «прикрепления» населения к той или иной провинции через медицинскую страховку, пенсии и т.п.). Многим из них можно было бы восстановить слух, но это стоит очень дорого, что не по силам ни семье, ни государству [13].

Не менее интересна и ещё одна форма негосударственных детских домов, по поводу которой разгорелась в 2013 году «общественная дискуссия». Активно обсуждалась на китайском телевидении, в СМИ и в Сети трагедия в уезде Ланькао провинции Хэнань [14], где в результате пожара «в нелегальном сиротском приюте» погибли семеро детей (в то время, когда хозяйка отводила друга воспитанников в школу). Китайское общество узнало, что 48-летняя Юань Лихай, мать троих теперь уже взрослых детей, с 1987 года «давала приют, тепло и заботу больным и искалеченным детям», подбирая беспризорников, и растила их как могла. Она приняла более ста беспризорных детей. Кто-то умер, кого-то взяли бездетные семьи, «остальные здесь», старшая — «ей 20 лет, хромая, уже замужем, сейчас ждёт ребенка». Детского дома в уезде нет, а проблема беспризорных детей острая, поэтому в местном департаменте по гражданским делам в течение 26 лет просто закрывали глаза на незаконность деятельности Юань Лихай. Местные власти даже в обход законов и правил с какого-то времени выделяли ей некоторую помощь, в том числе по сто юаней в месяц на каждого ребенка (что чуть больше 16-ти долларов), прекрасно понимая, что у неё нет финансовых возможностей воспитывать такое большое количество детей, ибо она жила уличной торговлей вразнос. Когда она начинала свою деятельность, не было Закона об опеке и усыновлении (он появился только в 1991 году и уже не единожды корректировался), посему уездное начальство теперь как бы оправдывается, что «тогда она ничего не нарушала». Её хорошо знали в районе как человека, взявшегося за благородную миссию. Местные СМИ брали у неё интервью. Но по Закону, она не соответствует критериям, которые выдвигаются к опекунам и усыновителям⁵. Теперь, после пожара,

⁵ Как комментировалось на китайском телевидении в 2013 году: «Закон об усыновлении и опекунстве предъявляет целый список требований к приёмным родителям. Во-первых, они должны быть бездетными и здоровыми. Во-вторых, претендовать на усыновление можно только с 30 лет. Кроме того, они должны обеспечить бытовые и финансовые условия для воспитания

Управление по гражданским делам уезда Ланькао вынуждено разыскивать родственников воспитанников Юань Лихай или находить новых усыновителей, поскольку «в этом отдалённом районе нет ни одного учреждения, которое могло бы приютить их надолго». Небезынтересно отметить, что, несмотря на малую сумму, выделяемую местной властью в помощь подвижнице, после трагедии нашлись-таки некоторые, кто заподозрил женщину в корыстном умысле.

Что касается истории призрения сирот в традиционном Китае, то прообразом детских домов были христианские монастыри. Монахи подбирали детей, брошенных бедными родителями-китайцами, и сирот, начиная с 70-х годов позапрошлого века. И, зная о такой деятельности монастырей, китайцы из округи в сотни километров приносили своих младенцев, которых не могли прокормить, или найденных сирот и устраивали их в приюты при монастырях. Существовали, можно сказать, монастырские ясли, где выхаживали детей в возрасте от 1–2 дней до 1,5–2 лет (естественно, некоторых детей выходить уже не было возможности, они умирали, хотя организованный монахами уход был тщателен и всесторонен; большинство, однако, выживали). Два самых крупных монастыря Шанхая начали свою работу с очень скромных размеров, в маленьких китайских фанзах, став в 30-х годах XX века «огромными культурными, техническими и благотворительными учреждениями» ([2], цит. по [22]). До определённого возраста дети воспитываются «в христианском духе», при этом «дети учатся не машинально, не наизусть — [учителя] стараются более объяснять предметы, знакомить их с ними, так чтобы они усваивали себе правила, истекающие из Христианской религии, а не вытверживали одни изречения, смотря на них как только на урок и на мёртвые языки» ([7], цит. по: [1]). А затем дети, пройдя небольшой курс наук на китайском языке, поступали на обучение в одну из многочисленных мастерских монастыря. Девочек также учили не только грамоте, но и различным ремёслам, главным образом шитью и вышиванию, чем они «занимаются с большим успехом»: девочки понимают, что впоследствии это будет доставлять им средства к жизни, «добываемые честным трудом». Конечно, основной целью было «приготовить хороших христианок и надёжных помощниц в деле распространения христианства», но «нельзя отрицать пользы от образования девиц и для семейного быта. Воспитанная в духе христианского

ребёнка и получения им образования. Среди тех, кто хотел бы принять сироту в свою семью, мало кто отвечает этим требованиям... Это отчасти способствует тому, что в Китае так много нелегальных опекунов» [24].

благочестия девица всегда будет хорошая супруга и заботливая мать» ([11], цит. по: [1]). Однако монастырское воспитание сирот — явление весьма ограниченное. Если в двух монастырях (в мужском и женском) в районе Шанхая к концу 1920-х годов ежемесячное количество воспитываемых детей доходило до 400 (цифра — впечатляющая сама по себе), то как же была эта доля незначительна в общем количестве несчастных сирот Китая! Юноши и девушки, выросшие в стенах монастыря, как правило, женились между собой, по обряду венчания, поселились в одном из домов-общежитий, работали по своей специальности в мастерской монастыря. Некоторые из девушек, получившие специальность медсестёр, работали в больницах больших городов Китая ([8], цит. по [22]). Эти люди пребывали в определённой общине — как бы новой своей большой семье. При монастырях иногда проживали семьи в третьем поколении. Выходя жить за пределы монастыря, бывшие воспитанники могли общаться с братьями по вере, имели, верно, духовника, к которому можно было обратиться с вопросами и своими проблемами⁶.

Церковь, оформившаяся после разделения христианства в 1054 году на западное и восточное, в западной своей части накопила большой опыт милосердной и благотворительной деятельности, в которую на Западе вовлечены приходы, монастыри, монашеские ордена, благотворительные центры, разветвлённая сеть различных организаций мирян, так или иначе связанных с приходом. Западная

⁶ «Что касается деятельности православной церкви в Китае, то, несмотря на вступление в силу Тяньцзиньского трактата (1858), которым официально открывалось широкое поле для религиозной пропаганды на всей территории Цинской империи, включая внутренние районы страны, куда прежде европейским миссионерам запрещено было проникать, российские миссионеры по-прежнему были скованы в своих действиях предписаниями Св. Синода, постоянно напоминавшего о необходимости соблюдения осторожности в отношениях с китайцами, хронической нехваткой денежных ассигнований, а также малочисленностью и недостаточной профессиональной, языковой и страноведческой подготовкой личного состава Миссий». Открывались лишь малочисленные школы. Но это были именно школы, иногда с пансионом, дети оставались в семье. Так для мальчиков (порядка 10 человек) основными предметами, помимо религиозных дисциплин, были чтение, письмо, пение, арифметика и русский язык. Для девочек учебные заведения открылись значительно позже, численность в лучшие годы не превышала 20 учащихся, кроме Библии изучался китайский язык и рукоделие. Одним из важнейших средств привлечения детей в школу служила ежемесячная выдача определённой суммы денег родителям на каждого из учеников [1].

благотворительная практика опирается на соответствующее теологическое обоснование, общехристианские принципы. Так, она органически связана с концепцией спасения — путём совершения различного рода «добрых дел» в пользу неимущих, нищих, страдающих. Но милосердные деяния обычно подразделяются на два направления — материального и духовного характера. Традиционный перечень так называемых «дел милосердия для тела» (накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого, принять странника в свой дом, посетить больного, похоронить заключённого) дополняется семью «делами милосердия для души»: обратить грешника, научить непросвещённого, дать добрый совет сомневающемуся, утешить скорбящего, терпеливо переносить тяготы, прощать от всего сердца обиды, молиться за живых и усопших⁷ [32].

Не только многовековой историей, но и более чем пятидесятилетним существованием без иностранных миссионеров китайское христианство «доказало свою реальность и жизнеспособность. Христианство является частью жизни современного китайского общества» [5, 2007, с. 229–230]. Оценки численности христианской общины на настоящий момент весьма разнятся (от 115 млн. человек, что составило бы 8,6% населения Китая, до 28,7 млн., соответственно — 2,1%). Но «все современные источники сходятся в том, что рост численности христианского населения — важный тренд современного Китая» [4, 2014, с. 43]. При этом современные новообращённые, как правило, являются представителями городской молодёжи и среднего класса, играющие всё более важную роль в обществе. Значительное число их — от двух до трёх миллионов — состоит в рядах Коммунистиче-

⁷ В России же Екатериной Великой была создана система Императорских воспитательных домов, «должных воспитать из сирот и незаконнорожденных свободное сословие ремесленников и учёных». Система существовала длительное время, но была признана Александром III неудовлетворительной. И Объединённый опекунский совет императорских воспитательных домов в 1901 году после 12 лет изучения вопроса её функционирования сделал совершенно недвусмысленный вывод: «Горький опыт всех воспитательных домов заставил их отказаться от воспитания своих питомцев в стенах своих заведений... Должную форму призрения брошенному родителями сироте, „казённому ребёнку“, даёт семья; случайно делающаяся членом её, он сливается с ней, делит её радости и горе и может забыть в конце концов своё одиночество. Дать этого никакая другая форма призрения не может» [18]. Вероятно, в воспитательных домах основной упор делался на «милосердии для тела», не уделяя должного внимания «милосердию для души».

ской партии [17]. Отношение КПК к христианству неоднородно, считает профессор Карстен Вала, преподающий в «Центре изучения религии и Китая» при университете Пердью в штате Индиана: если в её центральном аппарате по-прежнему преобладает несколько негативный настрой, опасения «чуждых влияний», возможного раскола общества, то местные комитеты партии во многих провинциях проявляют большую терпимость. Причина этого, не в последнюю очередь, в том, что через христианские общины в их регионы идёт приток инвестиционного капитала от единоверцев за границей (в дополнение к средствам, которые переводятся на строительство новых и восстановление старых церквей). «Для местного партийного аппарата это имеет большое значение, поскольку центральное руководство возложило на них ответственность за повышение уровня материального благосостояния населения, а сегодня это, как мы знаем, краеугольный камень легитимности режима». Кроме того, местные власти ценят укрепление нравственных устоев, которое привносит христианство. Общеизвестно, что китайская культура позволяет тонко синтезировать разные идейные влияния, так что христианство без большой сложности уживается с духовными традициями предков. У неофитов не возникает острого внутреннего конфликта на почве отступничества. Да и общество не относится к ним как к вероотступникам и предателям [23]. Немаловажно и то, что церковная администрация берёт на себя важные социальные функции, традиционно недофинансируемые государством. Церковь оказывает помощь пожилым, открывает сиротские приюты и приходские школы. К тому же церковь умеет собирать пожертвования и работать с волонтерами — при землетрясении в Сычуани в 2008 году церкви по всей стране, официальные и незарегистрированные, много сделали для восстановления в пострадавших районах [23]. И это также, думается, следует отнести к элементам «китайской специфики».

Однако есть и критика церкви, в том числе по проблеме недостаточной работы с сиротами в Китае. Таково, в частности, мнение Роберта Гловера — «менеджера по проживанию и усыновлению». Р. Гловер приехал в Шанхай в 1996 году и был озабочен тем, что «строгая политика правительства, запрещающая иметь более одного ребёнка в семье, привела к появлению тысяч нежеланных детей» — особенно девочек, а также детей с физическими или умственными отклонениями, которыми переполнены детские дома [15]. У этих брошенных детей была очень тяжёлая жизнь, пока их не подбирали полиция и не доставляли в государственный детдом. В детдоме «у них было жильё со всеми удобствами, но они не получали семейной любви и заботы» [16]. «Его христианская вера» была причиной того,

что Роберт Гловер через два года оставил свой дом на Гернси — небольшом английском острове в Ла-Манше и с семьёй (с шестерыми детьми) приехал в Шанхай, основал фонд «Забота о детях» и начал свой экспериментальный проект по обучению сотрудников государственных учреждений обустройству сирот, переводя их из детских домов в местные семьи. Он считает, что «реализует христианскую модель, ведь Бог создал семью для детей». За последующие 2 года (в 2000 году) «Забота о детях» разместила 240 детей по семьям, и в списке организации было ещё 500 семей, желающих принять ребёнка в свой дом. Усыновление преимущественно детей с задержками физического или умственного развития позволяет семьям увеличить свою численность, не нарушая государственной политики «одного ребёнка» [16]. В 2003 году китайские власти пригласили Гловера переехать в Пекин, чтобы распространить по всей стране идеи ухода за обездоленными детьми на базе семьи. О его миссии в Китае с начала 2000-х годов по настоящее время активно пишет христианская широковеб-ательная сеть (cbs.com). По последним сведениям [20, 13.07.2016], 300 тысяч сирот Китая обрели дом⁸, при этом многие из семей, принимающих сирот на воспитание, являются христианами. «Но церковь, на мой взгляд, пока в этом смысле отстаёт. Христианская церковь должна проснуться», — сетует Р. Гловер. Он удовлетворён тем, что «власти» понимают важность этой проблемы и содействуют по мере возможности её решению и что «научные работники это поняли», внося свой вклад в обоснование ряда необходимых моментов, в том числе и в области законодательства, для реализации деятельности организации «Забота о детях» [16]. Так, ранее в законе об усыновлении кандидат в усыновители вправе был выбрать и усыновить не более чем одного ребёнка, к тому же при условии отсутствия собственных детей. Теперь это ограничение не распространяется на граждан, желающих усыновить детей-сирот, детей-инвалидов и детей, находящихся в учреждениях социальной защиты после того, как эти дети были брошены собственными родителями, найти которых не представляется возможным [21].

Что касается усыновления иностранными гражданами, то в этой области Китай мало чем отличается от России⁹: также весьма сложная процедура усыновления, разнообразные весьма строгие требования к усыновителям, вплоть до соответствующего веса иностранного кан-

⁸ Однако, китайское телевидение на тот же год озвучило цифру усыновлённых в Китае детей в 30 тысяч, что представляется более реалистичным [24].

⁹ Разве что в Китае нет так называемого «Закона Димы Яковлева».

дидата в усыновители — индекс массы его тела не должен превышать 40, ибо во Всекитайском центре по проблемам усыновления уверены, что полные люди больше страдают от различных заболеваний и имеют меньшую продолжительность жизни [29]. Если в начале нынешнего века даже одинокий иностранец мог взять себе приёмного ребёнка из Китая, то теперь претендовать на это может только супружеская пара, прожившая вместе не менее двух лет. Как комментировали на китайском телевидении, «законодательство в этой сфере направлено прежде всего на защиту интересов детей, поэтому к потенциальным опекунам и усыновителям предъявляют очень строгие требования» [24]. Приоритетность усыновления девочек и сирот с ограниченными возможностями не прописана в Законе, но негласно присутствует.

В Китае периодически возникает всплеск патриотизма по вопросу о недопустимости усыновления детей зарубежными гражданами. Несколько лет назад (по сообщению на юридическом портале корреспондента «Российской газеты» в начале 2010 года) в Китае был создан правительственный Центр по делам усыновления (удочерения), через который осуществляются все процедуры. Эта организация сотрудничает лишь с несколькими странами Евросоюза, США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией. Поэтому фактически граждане только этих государств имеют шанс взять на воспитание ребёнка из Китая. Кстати, статистика последних лет свидетельствует, что наибольшее число китайских сирот отправились в США, Канаду и Францию.

За последние годы в Китае постепенно сокращается число усыновлённых детей. В первую очередь на убыль пошло количество сирот, отправляющихся жить в иностранные семьи. Если данные по 2006 и 2008 годам (когда нашли себе новых родителей 13 тысяч малышей и не более десяти тысяч соответственно) могут быть объяснены в определённой степени финансовым кризисом, который подорвал экономическое благополучие иностранцев, то, есть мнение, что не последнюю роль в этом процессе играют новые требования, предъявляемые китайскими властями к потенциальным усыновителям [19].

В заключение хочется отметить, что притча Чжан Юэжань — «Красные туфельки», а также ценнейшее замечание о важном меседже этого литературного произведения, увиденное его переводчиком И.А. Егоровым, побуждают познакомиться, хотя бы в первом приближении, с некоторыми острыми и актуальными проблемами в современном состоянии страны и с рядом особенностей их решения в Китае.

Литература

1. *Андреева С.Г.* Российская (Православная) Духовная Миссия в Пекине и её роль в истории русско-китайских отношений (1715–1917 гг.). ИВРВН. М., 2009. (Депонирована в ИНИОН). С. 90–96.
2. *Арнольд В.* В монастырях Зи-Ка-Вэя // *Шанхайская Заря*. 12 сентября 1929 г. С. 6. Цит. по: *Черникова Л.П.* Китайский колокольчик // URL: <http://www.russianshanghai.com/articles/post266>
3. *Вэй Хой.* Крошка из Шанхая. М., 2006.
4. *Горохов С.А.* Христианство в современном Китае // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 12. С. 43.
5. *Дацзышен В.Г.* Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. С. 229–230.
6. *Егоров И.А.* Лауреат Нобелевской премии писатель Мо Янь и современная китайская литература // Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Серия Университетский мастер-класс / СПб., 7 октября 2014 года. С. 18–19.
7. *Китайский Благовестник*. 1912. Вып. 3. С. 8–20. Цит. по: [1].
8. *Одицова Э.* Мой Шанхай. Иркутск, 1999. С. 9. Цит. по: [22].
9. *Родионов А.А.* Молодая кровь китайской литературы // *Красные туфельки*. Сборник произведений молодых китайских писателей. Пер. с кит. яз. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2014. С. 8.
10. *Жжан Юэжэнь.* Красные туфельки // *Красные туфельки*. Сборник произведений молодых китайских писателей. Пер. с кит. яз. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2014. С. 74–101.
11. АВПРИ, ф. 143 (Китайский стол), оп. 491, д. 153, л. 43об. Цит. по: [1].
12. *Белокурова С.П.* Словарь литературных терминов. СПб.: Паритет, 2012 // URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=3&wrд=%CF%D0%C8%D2%D7%C0&bukv=%CF>
13. *Бота Масалим, Марина Шафир, Никита Васильев.* Три проблемы китайской семьи: сироты, разделённые семьи и одинокая старость // Южный Китай. Гонконг, 23.07.2016 // URL: <http://south-insight.com/note/1180>
14. В Китае обсуждают гибель семерых сирот во время пожара в уезде Ланькао // URL: <http://www.cntv.ru/2013/01/07/ART11357539240188894.shtml>
15. Китай знакомится с программой усыновления // Charisma News Service Новости от New Life Press. 28 августа 2000 года (URL: <http://subscribe.ru/archive/religion.newlifealmaty/200008/28114617.html#28-4>).
16. Китай: пример христиан способствовал усыновлению 300 000 сирот // URL: <http://www.invictory.com/news/story-61481-%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9.html>
17. *Макарена Видаль Лий.* Рост числа христиан беспокоит Пекин // URL: <http://inosmi.ru/world/20150212/226229422.html>
18. Найди меня, мама! Материалы в помощь журналисту. АНО «Студио-Диалог», 2006 // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/proekt.php>
19. *Рязузов А.А.* Новый закон КНР о международном частном праве // URL: <http://www.center-bereg.ru/o2150.html> (Юридический портал).

20. Христианская газета Церкви Вифания. № 13 от 7 июля 2016 года // URL: <http://cgazeta.ru/?p=1475>
21. Ху Цзяньмин. Об адаптации в Китае // URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2009-12/09/content_233810.htm
22. Черникова Л.П. Китайский колокольчик // URL: <http://www.russian-shanghai.com/articles/post266>
23. Число христиан в Китае достигло 100 миллионов // URL: <http://afmedia.ru/novosti/chislo-hristian-v-kitae-dostiglo-100-millionov>
24. URL: <http://www.cntv.ru/2013/01/07/ART11357539595720778.shtml>
25. URL: http://detskie-doma.ru/about/article_post/skolko-detskikh-domov-v-rossii
26. URL: <http://dokumentika.org/evgenika/v-knr-otbirali-detey-u-roditeley-imevshich-bolee-odnogo-reb-nka-i-prodavali-ich-dlya-usinovleniya-v-drugich-stranach>
27. URL: <http://www.gjigle.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=3&ved=0ahUKewjhtfPOxqTJAhZILHIKTUAlgOFggsMAI&url=http%3A%2Fbok.douban.com%2Fsubject%2F302564&Fusg=AFQjCNFHVLP5YhUKJlocmU3Co0xnA175A&sig2=uUqeKkP5-rEddkeNon88mg&cad=rjt>
28. URL: <http://www.molych.ru/filologija/kontekstualnye-znachenija-lichnyh-mestoimenij-v-russkom-i-burjatskom-jazykah.html>
29. URL: <http://www.newsru.com/world/27may2008/kids.html>
30. <http://www.1tv.ru/news/world/179378>
31. URL: <http://www.ty2016.com/cn/zvr2/>
32. URL: <http://www.univer5.ru/sotsialnaya-rabota/istoriya-sotsialnoy-raboty-191/Page-14.html>

*E.A. Sinetskaya**

**A few words on the Chinese orphans,
or Some comments on *Red Shoes* novel**

ABSTRACT: Certain literary features the *Red Shoes* novel by Zhang Yueran allow attributing it to parables by genre. Since both principal characters were brought up by the orphanage institutions, this novel can be seen as a kind of analysis of the orphan problem in China (in the past and at present) and the ways of adoption in the country considering some particular aspects, which could be defined as the “Chinese specifics”.

KEYWORDS: Zhang Yueran, *Red Shoes*, parable, orphans in China, charity, Christianity, adoption, Chinese specifics.

* Sinetskaya Elvira Andreevna, PhD (History), researcher of the China department of the Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; E-mail: elvirasin@mail.ru